

В преддверии Иного

Поэзия нынче, как когда-то церковь, отделена от государства. И если кому-то кажется обратное, то остаётся о сём скорбеть. Кто на слуху из настоящих поэтов в Год литературы?! Увы, имена в подавляющем большинстве к русской поэзии не имеющие никакого отношения, да и к поэзии вообще. Кто получает госпремии, награды, гранты и прочее от нашего смутного государства во времена последние? Те же самые, что на слуху и на телеэкране, кормящиеся от власти и одновременно показывающие ей, многострадальной, кукиш, причём открыто, а не в кармане, как во времена стародавние.

И государство мило делает вид, что не видит эти кукиши, а заодно и не замечает истинных поэтов, и не слышит музыку отчего слова. Дикой капиталистической действительности оказались не нужны ни физики, ни лирики. В почёте дистрибьютеры, брокеры, провайдеры — и этот, в рот ему дышло, язык сломаешь, — марк-к-кетинг!

Что-то физики в почёте,
Что-то лирики в загоне...

Категорично сказал в середине 60-х годов прошлого века негибавший поэт Борис Абрамович Слудский. А сказано это было по поводу бессмысленного идеологического спора тех времён: кто нужнее стране — физики или лирики? Нынче очень смутно вспоминаются спорные по сему пустому поводу вольнодумцы 60-х, многие из которых из безобидных вольнодумцев обратились в подлисантов расстрельных писем в лихие девяностые. А вообще-то, какие они лихие, эти девяностые?! Отвратные годы и безумные, когда вокруг поч-

ти в одночасье оказались не нужны России ни физики, ни лирики, когда и лирики, и физики оказались практически в одном скотозагоне мирового правительства.

К чему я об этом говорю, предвдвая публикацию молодого русского поэта Сергея Антипова? Да потому, что он — профессиональный физик, выпускник легендарного МИФИ, по воле судьбы обратился в лирика, ибо после повсеместного пролома фундаментальной науки оказался не востребованным в оной, не смотря на свою природную одарённость. Но лирика нашла его — и он нашёл себя в лирике. Но сначала почти безнадежно искал:

И многомудрые друзья,
Гурьбой, от времени сутулясь,
Меж фонарей, аптек и улиц
Чего-то ищут, как и я...

Да уж, волей-неволей вспоминаются страшные строки Блока: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Бессмысленный и тусклый свет...»

Но Божий Свет остаётся светом и не в силах объять его никакая «вечная» тьма. И стремится душа к свету неприступному, ибо бессмертие Божье она обретает здесь, на грешной земле. И не об этом ли вечном стремлении человеческой самости прямым стилем говорит Сергей Антипов:

Небо прозрачно — бездонной лазурью
Манит назад своего беглеца,
Что огрубел в человеческой шкуре,
Сник под пятой золотого тельца...

И возвращается душа к Богу, и чело-

век в самости своей возвращается к Богу, — и нет последних времён для поэзии русской.

Отрадно, что Сергей Антипов из когорты стихотворцев, умеющих слушать. К сожалению, из немногочисленной когорты, ибо подавляющее большинство, увы, не умеют слушать, начисто лишены сего таланта, но страшно жадут, чтобы их слушали и слышали. Стихотворец этого ряда порой весьма невыносим. Его не только слушать опасно, но читать вдвойне опасно — да и вредно.

В ответ на это очевидное заключение один из неумолимых чтецов-декламаторов картаво возразил:

— Вы не правы! Истина лежит где-то посередине!
Я вежливо не согласился:
— Истина не может ни стоять, ни сидеть, ни тем более лежать. Истина всегда выше нас.

Сергей Антипов в лучших своих стихотворениях стремится к постижению Истины, но понимает, что Истина, как горизонт, всегда непостижима. Истина — это вечный Крестный путь от горизонта одного человека к горизонту всего человечества. Ненавязчиво, со здоровой дозой самоиронии, он стремится поведать в стихах своих о времени и о себе:

Не дочитан, потрепан,
загнутыми наспех углами,
Утебя я валяюсь на полке меж гениев
в книжной пыли,
И о вечности грежу
непонятными многим стихами,
Потому что понятные
к кузькиной матери,
хрюкнув, ушли.

Помолчим?! Тут вокруг
средостенные пустых фанфаронов,
Шума много, а цимес —
напалак картваый кошак.
Посмотрел я вчера по ТВ,
как живут городские вороны,
Стало стыдно и тошно, как будто
тайком покурил натоцак.

Эти птицы умнее, вернее,
пронырливей многих...
Умолкаю, а то царь природы запишет
на собственный счёт.
Я и сам, если честно,
смотрю ещё вследлинногим,
И куда-то порой
расшавившийся ветер влечёт.

Дочитай, может станет с тобой
тогда нам немножечко легче
На страницах разглядятся
сетки душевных морщин.

Всё равно для меня ты навеки
останешься лучшей из женщин,
Ну а я?.. Ты шепни мне на ушко
по правде — каким из мужчин?..

Нет, не победил физик лирика в душе
Сергея Антипова, даже в препохабной
капиталистической действительности
новой России — не победил. И, как ни
крути, как ни передёрывай, но очень
точно давным-давно сказал о сей
действительности Владимир Ильич
Ленин: «Его препохабие — господин
капитал!» И был тысячу раз прав, «ибо
социализм победит не оттого, что он
прав, но оттого, что не правы его
противники»

А это уже не Ленин сказал, а первый
русский диссидент Чаадаев. Глыба по
сравнению с диссидентами советской и
новейшей эпохи, которые способны
лишь обращаться из политических ко-

звонк в политнасекомых. На большее их не хватает, но и Слава Богу! И не об этих ли лжебунтарях строки Сергея Антипова:

Псевдособытия псевдоэпохи:
Всюду большие и грузные лица,
Возле которых гуляют пройдохи,
Чтоб коготком за кого зацепиться...

Поэт Сергей Антипов не цепляется ни за кого в жизни сей, ибо, как истинно верующий человек, живёт по принципу: перед Богом все равны!

И напоследок, в связи с творчеством Сергея Антипова, да и не только в связи с его творчеством, вспоминается начисто нынче забытый сборник статей «Иного не дано», составленный в конце 80-х годов ретивыми литкритиками и публицистами под присмотром грозного серого кардинала перестройки, члена политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева. Краткий смысл этого вредоносного издания: ничего не дано России, кроме дикого капитализма и лакейства перед Западом. Кстати, многие из авторов той писанины неплохо здравствуют и поныне, — но досадливо морщатся, когда им напоминают об их разрушительном вкладе в дело развала нашего Отечества. Мало того, некоторые из них круто изменили свои взгляды и даже осмеливаются утверждать, вопреки самим себе, что иное было дано, но просмотрели они это иное. Бог им судья!

Да, пока наяву нынче властвует его препохабие господин капитал. Но иное дано Отечеству нашему. И это иное медленно, но верно зреет в русском самосознании, пробивается в строчках стихов новых поэтов — и это Иное нескорошимо по воле Божьей.

Малая искра божественного Иного светится в стихах Сергея Антипова, а из искры, как известно, возгорается пламя.

Лев КОТЮКОВ,
председатель правления Московской областной организации Союза писателей России

Сергей АНТИПОВ

Как хорошо за любимых молиться...

Стоп... Взбунтовалось некстати
уставшее тело.
Жить... Просто нужно,
раз столько уже приручил,
Сон... Как воршишка
стучится в сознание несмело,
Высь... Будоражит
огнями далёких светил.
Знать...
До чего ж иногда это тяжкая ноша,
Мир... Мы с тобой
очень долго лежали во зле,
Стать... Невозможно для всех
дорогим и хорошим,
Втир... Не хочу,
чтоб пылился «макаров» в столе!
Бог... Говорил что-то мне
с почерневшей иконы,
Слух... Заполняли соседи
и грохот кастрюль,
Боль... Словно ржавым гвоздём
расцарапала горло,
Дух... Одиноко влюблялся
в горячий июль.
Плыть... По течению —
много ли в этом заслуги?
Там... Всё равно
наши фишки горят на зеро,
Прить... Не поможет нам
выйти из Дантова круга.
Шанс... Стол и свечка,
чернила, бумага, перо...

Отпсевдо к настоящему
Псевдособытия псевдоэпохи:
Всюду большие и грузные лица,
Возле которых гуляют пройдохи
Чтоб коготком за кого зацепиться...
Рядом роскошно одетые дамы,
Те, что привыкли
купаться во взглядах, —
Знают прекрасно, где боссы, где замы:
Зря что ль,
так много сменили нарядов...
В этой когорте из псевдогероев,
Сам был товаром на чьём-то прилавке,
Жить с этим чувством поганом,
не скрою,
Но таковы тут игорные ставки...

К счастью, теперь я на это с улыбкой
Тихо смотрю и мечтаю о главном:
Чтоб повороты судьбы моей приткой
Были дорогой к душевному Храму...
Чтобы Любовь в нём жила на престоле,
Сердцу дая вдохновение и радость,
Хватит с тобой нам печали и боли,
Милая, счастье давно нас заждалось!

Мечты между строк
Когда витаю между строк,
Уходят грешные волнения,

Остатки боли, сожаленья,
Что бесконечно одиноко...
И многомудрые друзья,
Слегка от времени сутулясь,
Чтоб коготком за кого зацепиться...
Рядом роскошно одетые дамы,
Те, что привыкли
купаться во взглядах, —
Знают прекрасно, где боссы, где замы:
Зря что ль,
так много сменили нарядов...
В этой когорте из псевдогероев,
Сам был товаром на чьём-то прилавке,
Жить с этим чувством поганом,
не скрою,
Но таковы тут игорные ставки...

Странный сон
За страдания Полифема,
За угасшую зарю,
За любовные измены
Я тебя благодарю...
Раскроешь ли мне твою душу
На лоскутные куски,
Обесточен, оглоухен,
Передалино мозги...

Всё уходит безвозвратно,
Остаётся только пыль,
Красным сполохом заката
Умывается ковьель...
Раскроешь ли мне твою душу
На лоскутные куски,
Обесточен, оглоухен,
Передалино мозги...

Сквозь травинки видно звёзды:
Рыбы, Овен, Млечный Путь,
Есть такое слово — «поздно»,
Сердце сложно обмануть...

Новый день не за горами,
Странный сон
про ночь в степи,
Утро встретит нас дарами —
Только дар свой не проспи!

Время летающих строк
На ладошку присел мотылёк,
Словно горного мира дыханье —
Это время летающих строк,
Вдохновенья и светлых желаний!

Расширяется с небом душа,
Утопая в небесной лазури.
До чего ж наша жизнь хороша!
Передашь эти чувства кому ли?
Отвоюю исходит любовь,
Проникая до самого сердца,
И лопнет наших радостных снов,
Открывает нам райские дверцы!

Тебе эти сны подарю,
Волшебством наполняя реальность,
И поймёшь ты, что слово «люблю»
Для меня далеко не банальность!

В парке
Небо застлало белёсые перья,
След оставая в осенней воде.
Стал равнодушен ко многим теперь я,
Глубже познав устремленья людей...

Воздух сегодня прозрачный и волглый,
Влажной позёмкой дымится трава,
Ждали мы счастья с тобой очень долго,
Путаясь в мыслях, делах и словах...

Вальсом прощальным упавшие листья
Проеят деревья уснуть до весны,
Как хорошо за любимых молиться,
Зная, что явью становятся сны...

Холод недаром очистил дорогу,
Глухо сковав надвешую грязь,
Счастливы с теми,
кто послан мне Богом,
Всех остальных отпускаю, молясь!

Сквозь боль
Лечу на машине сквозь слякоть и боль,
Жгутом затянувшую горло,

Поступки — не цифры,
их можно на ноль
Делить, что теперь не зазорно...

Держаться! —
Не в пляс под чужую дуду,
Ведь им только это и надо.
Стихами очистить от грязи судьбу,
Спасти от житейского ада.

Несите, стальные лошадки, вперёд!
В боренье возникнут ответы.
Отвечу за всё! И пускай не везёт!
Господь не оставит поэта...

Вечное возвращение
Я уйду поутру незаметно
В моросащий за окнами дождь,
Размечтавшись,
что чувства бессмертны,
И что правда сильнее, чем ложь.

Я уйду, и посыплется время,
Белым пелом сжигая виски,
А вернувшись, останусь не с теми,
Кому раньше слагал я стихи.

Я уйду поутру безоглядно,
Отрубив, отбелев, отлюбив,
Но когда возвращусь к вам обратно,
Вы с досадой воскликните:
«Жив!»

Елена ОВЧАРОВА

Елена Овчарова была принята в Союз писателей России на пленуме СП, прошедшем в Якутии летом нынешнего года. Она — филолог по образованию, кандидат наук, победитель конкурса «Лучший учитель России», имеет награды Академии Российской словесности. Примечательно, что, обладая регалиями, с которыми её бы легко приняли на работу в любое учебное заведение Москвы, Елена Степановна уже три десятка лет преподаёт русскую литературу и мировую художественную культуру в далёкой якутской глубинке, в обычной школе небольшого городка Томтоп, где она сумела за эти годы взрастить целое литературное сообщество. Елена Овчарова — создатель и бессменный руководитель литературного объединения «Перекрёсток», инициатор, организатор и главная душа музыкально-литературного фестиваля «Берег дружбы», на который в последние годы собираются лучшие поэты и барды многих регионов России.

Думается, другой поэт на её месте выпустил бы уже, как минимум, десяток книг, но у Елены только два сборника стихов: «Под созвездием Рыб» и «На пути к простоте». Причина этого «минимализма» — высокая требовательность к собственному творчеству и уважительное отношение к Слову.

А ещё — желание, в первую очередь, поддержать и продвинуть своих учеников, помочь реализоваться молодым дарованиям. При этом стихи самой Елены Овчаровой, конечно же, заслуживают большего внимания, они по-настоящему талантливы, образны и эмоциональны.

Нагнуться, собрать их в ладони,
застыть. И тихонько мудреть.
А ветер, гнездящийся в кроне,
нам будет о вечности петь.
О том, что кончается лето
(но так уже было не раз),
что зрели плоды и ответы...
и двадцать столетий до нас.
И сбор урожая — не тризна,
а праздник. И, как ни грусти,
наждут еще весны и... жизни.
И ветра щемящий мотив.

Костромская элегия
Силуэты церковей безголовых,
Колоколен немая тоска —
Всё в укор нам, а мы не готовы
К покаянию. Но дата близка...
Мы расплатимся все за «афеув»,
Тех, кто в склад превратил небеса;
Кто, от крови пролитой хмелея,

Чашу зла тяжелил на весах.
Проплывёт над Росней распятой
Туча гнева, громами полна,
Но прольётся, темна и космата,
Благодатно влагой она.
Кулаки разожмутся, и спины
Распрямятся; и, неба полна,
Волга воды любви по России
Понесёт вновь, как в те времена,
Когда не было белых и красных,
Только золото на голубом...
И покажется нам, что напрасно
Мы долта разорили свой дом.
Но ведь тот, кто паденья не знает,
Не научится в небо смотреть.
Воскресения правда простая
В том, что надо сперва... умереть.

Провинциальная хандра
Мне б весло и кусок парусины,
Чтоб однажды сквозздыму в горах

Мне б весло и кусок парусины...

Увидать: как цветут апельсины
В небывалых заморских садах!
Чтоб забыть про гнилые бараки,
Про некрашеный серый забор
И про то, что в полуночной драке
У соседей был третьим — топор,

Чтоб не знать ничего об убогих,
Но до боли знакомых местах...
Прилепившись боком к дороге,
Этот город, живущий впопыхах, —
Мой мучитель и мученик жалкий, —
Так нелепо раскроен и шит.
Здесь когда-то водились русалки,
Да спились от тоски и обид.

Здесь когда-то блистали герои,
Но последний из них, инвалид,
Под жужжанье мушкетерского
Сном младенца на паперти спит.

Этот город, на прирак похожий,
На обочине жизни застыл —
Попрошайка с немьютою рожей,
Пьян, несчастлив, несёт и уныл.

Мне бежать бы!
Да парус мой продан,
На древо изломали весло.
Я не помню, откуда я родом
И сюда как меня занесло.

Как же хочется вырваться, смяться...
Но боюсь, что в заморских садах,
Даже слушая райскую птицу,
Я скучала бы... о воробьях.

Как угли под золой остывшей...
ты срока ждешь, чтоб взять своё,

чтоб снова стиснуть болью бывшей
мне сердце... чтоб окна проём,
крест-накрест рамой перечёркнут,
вдруг стал торьюмой моей окном...
чтоб стать молча в пропасть —
к чёрту —

всё полетело кувырком...
Я не зову тебя к ответу,
о, одиночество мое!
В твоих объятиях согрета,
Влачу привычное житьё.
Уже не так тревожат память
и полнолуние в окне...
Ты мнишь себя осколком в ране?
Но с болью высклываю в полночь:
тебе принадлежу бессорной,
на волю вырваться боюсь.
С любовью, как с травой сорной,
самоотверженно борюсь.

На пути к простоте...
На пути к простоте
мы, бывало, встречали закаты,
Что призывно рыжели,
княвая башкою лохматой...
И капель липотала о чём-то
по-детски невятно,
а, может, звала нас обратно.

Старый тополь привычно скучал
у замшелой калитки,
А в кладовке знакомый паук
перепутывал нитки.
Нас влекло в глубину зазеркалья,
в рассветы и выси,
Усложнялись слова, отношения,
лица и мысли...

Только к Вечеру стало ясней:
простота — гениальна,

Даже если звучит эта фраза
до жути банально.
Только к Ночи пришло озаренье:
ответы звучали,
Только шепотом, рядом...
А мы от Вселенной их ждали.

Вином фалерским причаститься —
И умереть. И воспарить.
Меж тьмой и светом раствориться:
Дышать. Любить. Мечтать. Творить.
С той женщиной, что так отвязана,
И так нежна, и так верна.
А где? Доколе? — Так ли важно?
Ведь нет граней у царства сна.
Века проходят иль недели
При свете тающей свечи —
Кто разберёт? Как в колыбели
Душа. И музыка звучит.
День или ночь? Зима или осень?
Кто даст ответ? Мы здесь одни.
В тиши ручей у старых сосен
Журчит: « Не мудрствуя, усни!
Пусти на волю птицу-память.
Пусть для неё придёт весна.
Зачем друг друга вам тиранить? —
Ушедшим память не нужна...»
Песком забвенья и покоя
Ветра тропинки заметут...
— Мы спасены. Настолько двое.
Сегодня... Вечно... Где-то... Тут.

Я не верю в весну. Ни в тепло.
Ни в капельные дробини.
Не бывает тепла. Только темень.
И холод. И лёд.
Вот в жирафа я верю.
Он мирно пасётся в Найроби.
Я б ему рассказала... Про зиму.
Да он не поймёт.